

DOI: 10.31696/S086919080036556-8

РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ НА АФГАНСКОЙ ГРАНИЦЕ
И АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА 1899–1902 гг.¹

© 2026

Б. М. ГОРЕЛИК ^a^a – Институт Африки РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-8839-3889; boris.gorelik@inafr.ru

Резюме: В статье рассматриваются причины и последствия сосредоточения российских войск у афганской границы во время англо-бурской войны в декабре 1899 и январе 1900 г. До сих пор в историографии преобладало мнение, что эта акция была направлена исключительно на решение задач России в Центральной Азии – оказание давления на Великобританию для получения уступок в Персии и Афганистане. Оспаривая традиционные интерпретации, автор раскрывает на основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов мотивы инициаторов акции, императора Николая II и его военного министра А.Н. Куропаткина. Эта военная демонстрация задумывалась как способ поддержки бурских республик за счет создания затруднений для Великобритании. Усилив гарнизон в крепости Кушка, Россия продемонстрировала способность быстро передвинуть к афганской границе свои войска, которые затем могли быть направлены к Британской Индии. Она предупреждала Великобританию о своей способности создать нежелательные осложнения, пока британские силы заняты подавлением бурского сопротивления. Россия помешала Великобритании в критический период для ее армии на юге Африки массово отправлять подкрепления из Индии на южноафриканский театр военных действий. Хотя эта демонстрация не привела к прямому вмешательству России в англо-бурский конфликт, она способствовала существенному сокращению переброски военнотружеников из Индии на южноафриканский театр военных действий. Британское правительство и военное командование в Индии были обеспокоены российскими действиями. Опасаясь открытия второго фронта, они не только не нарастили отправку войск из региона, но в шесть раз уменьшили ее. Великобританию пришлось компенсировать нехватку солдат за счет добровольцев из метрополии и из других колоний, что подтверждает эффективность российской акции. Таким образом, Россия оказалась единственной державой, которая задействовала армию для помощи вооруженным формированиям бурских республик в их противостоянии Британской империи.

Ключевые слова: Южная Африка, англо-бурская война, Африка во внешней политике Российской империи, российско-афганские отношения, Британская Индия, колониализм

Для цитирования: Горелик Б.М. Российская военная демонстрация на афганской границе и англо-бурская война 1899–1902 гг. *Восток (Oriens)*. 2026. № 3. С. 189–200. DOI: 10.31696/S086919080036556-8

¹ Благодарность: Автор признателен южноафриканскому коллеге Луи Фентеру (Военный музей, Блумфонтейн) за помощь в работе над этой статьей.

RUSSIAN MILITARY DEMONSTRATION AT THE AFGHAN BORDER
AND THE ANGLO-BOER WAR OF 1899–1902

© 2026

Boris M. GORELIK ^a^a – Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-8839-3889; boris.gorelik@inafr.ru

Abstract: *The article examines the causes and consequences of the concentration of Russian troops near the Afghan border during the Anglo-Boer War in December 1899 and January 1900. The prevailing view in historiography has been that this action was designed exclusively to achieve Russia's objectives in Central Asia – putting pressure on Britain to obtain concessions in Persia and Afghanistan. Challenging traditional interpretations, the author reveals the motives of the initiators of the action, Emperor Nicholas II and his Minister of War, A.N. Kuropatkin, based on archival documents. The military demonstration was conceived as a way of supporting the Boer republics. By strengthening the garrison at Kushka, Russia demonstrated its ability to quickly move its troops to the Afghan border, which could then be sent to British India. It showed Britain its ability to create complications while British forces were suppressing the Boer resistance. Russia prevented Britain from sending large reinforcements from India to the South African theater of war at a critical time for the British army in southern Africa. Fearing the opening of a second front, British government and military command in India not only failed to increase the number of troops sent from the region but reduced it sixfold. Britain had to compensate for the shortage of soldiers with volunteers from the metropole and other colonies, which attests to the effectiveness of Russia's actions. Thus, Russia was the only power that deployed its army to assist the armed forces of the Boer republics in their confrontation with the British Empire.*

Keywords: South Africa, Anglo-Boer War, Africa and the foreign policy of the Russian Empire, Russian-Afghan relations, British Raj, colonialism

For citation: Gorelik B.M. Russian Military Demonstration at the Afghan Border and the Anglo-Boer War of 1899–1902. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 3. Pp. 189–200. DOI: 10.31696/S086919080036556-8

ВВЕДЕНИЕ

В конце декабря 1899 г. военный министр А.Н. Куропаткин приказал отправить батальоны Кавказской стрелковой бригады из Тифлиса на самый юг империи – в крепость Кушку. В российской прессе это передвижение войск преподносилось как учения. С согласия военного министра министерство иностранных дел подготовило сообщение об этой акции, которое было размещено в газетах [см., например: *Новое время*, 1899]. Передвижение войск, говорилось в этом сообщении, было вызвано опасностью дестабилизации обстановки в регионе из-за слухов о смерти афганского эмира и волнениях в Индии. Эти учения показали, что при необходимости передовые части с Кавказа будут доставлены на афганскую границу за восемь суток [Проект газетной заметки, подготовленный МИД. Декабрь 1899 г. *АВПРИ*, ф. 147, оп. 485, д. 758, л. 12]. В проправительственных изданиях утверждалось, что за две недели можно перебросить в Кушку не только Кавказскую стрелковую бригаду, но и весь 2-й Кавказский армейский корпус [Никитина, 1970, с. 156–157].

Британское правительство всерьез обеспокоилось неожиданными действиями России. Шли первые месяцы англо-бурской войны, и британские войска терпели поражение за

поражением от защитников Южно-Африканской Республики (Трансвааля) и Оранжевого Свободного Государства. Нельзя было допустить новых осложнений в других регионах, которые потребовали бы отвлечения сил империи от южноафриканского театра военных действий.

«Министры Королевы пришли к выводу, – докладывал из Лондона российский посол Е.Е. Стааль 5 января 1900 г., – что сосредоточение наших сил в Кушке имеет целью оказать давление в направлении, благоприятном для дела буров. По-видимому, посредством возбуждения общественного мнения в Индии предполагается предотвратить отправку подкреплений английской армии в Южную Африку и тем самым воодушевить обе воюющие Республики» [АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 758, л. 16].

Если целью российской акции было помешать Великобритании усилить свои войска на юге Африки, такая попытка, пожалуй, была уникальной. Ни одна другая держава не использовала военную угрозу, хотя бы косвенную, чтобы поддержать защитников бурских республик. Никто не хотел усугублять свои противоречия с Великобританией, чьи военные расходы на душу населения были тогда самыми крупными в мире [Парфенов, 1991, с. 63] и чей флот по-прежнему контролировал основные морские пути. Членам обоих континентальных союзов казалось нецелесообразным рисковать ради сохранения суверенитета далеких республик. Общественная поддержка, которую оказывали бурам в большинстве европейских стран, почти не сказывалась на внешней политике этих государств. Они придерживались нейтралитета в отношении действий Великобритании на юге Африки. Не удалось даже попытки совместного дипломатического демарша для примирения сторон южноафриканского вооруженного конфликта.

Причины укрепления гарнизона Кушки в декабре 1899 г. – январе 1900 г. подробно не рассматривались историками. Их суждения о том, что военный министр А.Н. Куропаткин называл «демонстрацией» на афганской границе, можно резюмировать следующим образом.

Большинство исследователей полагают, что эта акция задумывалась как средство решения задач России в Центральной Азии. Желая воспользоваться отвлечением Великобритании в Южной Африке, российское правительство собиралось усилить влияние в Афганистане, а также установить прямые связи с этим государством, несмотря на то что Великобритания сохраняла контроль за его внешними сношениями. Увеличив численность войск в районе Кушки и создав впечатление, что это при необходимости может стать началом подготовки к их выдвиганию в направлении Британской Индии, Россия пыталась оказать давление на британское правительство, чтобы оно не мешало ее политико-экономической экспансии в Афганистане и Персии [Витухновский, 1957, с. 118, 121; Никитина, 1970, с. 157; Spring, 2014, p. 49].

Другие исследователи, среди которых авторы монографий о действиях российского общества и правительства в связи с англо-бурской войной, считают, что передвижение войск к границам Афганистана призвано было ограничить возможности Великобритании в противостоянии с Трансваалем и Оранжевым Свободным Государством. Российская угроза осложняла переброску колониальных войск из Индии на юг Африки [Kandyba-Foxcroft, 1981, p. 63, 75; Davidson, Filatova, 1998, p. 210]. Таким образом, по мнению этих исследователей, акция была предпринята в первую очередь чтобы помочь защитникам бурских республик.

Документы, касающиеся российской военной «демонстрации», обнаруженные в московских архивах (АВПРИ, РГВИА), позволяют проверить эти предположения. В этой статье сделана попытка выяснить, как инициаторы акции обосновывали ее необходимость и как она сказалась на российско-британских отношениях. Кроме того, с привлечением

статистических данных предполагается оценить, удалось ли инициаторам акции достичь результата, на который они рассчитывали.

ИДЕЯ ВОЕННОЙ «ДЕМОНСТРАЦИИ»

Российское правительство, подобно правительствам других великих держав, предпочитало избегать конфронтации с Великобританией. Российские дипломаты понимали, что последствия открытой поддержки бурских республик могли быть опасными. Как писал посол в Лондоне Е.Е. Стааль, «симпатии к бурам должны отступить перед национальными интересами» [*Correspondance diplomatique du Baron de Staal*, 1929, р. 426–427]. Правительство осознавало, что не может самостоятельно воспрепятствовать захвату бурских республик Великобританией.

Такая позиция диктовалась внутренними задачами: ради «модернизации экономики, осуществления инфраструктурных проектов, развития окраин и повышения обороноспособности страны» нужно было избегать международных осложнений и предпочитать силовым методам политико-экономическое влияние. В программной записке МИД, утвержденной Николаем II, отвергалась возможность вооруженного вмешательства в пользу бурских республик [*Россия и Африка*, 1999, с. 159–172]. Все министры, участвовавшие в ее обсуждении, высказались против того, чтобы, воспользовавшись отвлечением Великобритании на южноафриканскую войну, предпринять территориальную экспансию в Азии, и выступали за то, чтобы «сохранять осторожность и сосредоточиться на решении проблем внутри страны».

Вместе с тем такая позиция помогала российским дипломатам пользоваться британскими затруднениями. Министр иностранных дел М.Н. Муравьев признавался французскому послу, что Россию «не может не радовать затягивание войны, которая ослабляет Англию и может поставить ее в положение, из которого мы могли бы извлечь выгоду» [*Documents diplomatiques français*, vol. 16, 1959, р. 80].

Решения об оказании помощи бурам на государственном уровне зависели в конечном счете от Николая II. Он хотел покровительствовать бурам как христианскому народу, осмелившемуся бросить вызов Великобритании, тем более что проправительственные общественные силы ожидали от самодержца активных действий в защиту бурских республик.

7 декабря 1899 г. военный министр записал в дневнике: «Государь с самым живейшим интересом следит за действиями в Трансваале, ждет поздно ночью депеши из Африки и в[есьма] радуется неудачам англичан» [*РГВИА*, ф. 165, оп. 1, д. 1889, л. 65]. В это время стали проявляться недоверие российского самодержца к Великобритании, а также склонность к экспансионистским авантюрам в империалистическом духе [Игнатьев, 2011, с. 27]. В письме сестре 21 октября 1899 г. Николай II сообщал, что с началом войны на юге Африки Россия могла бы «расправиться с Англией именно там в наиболее уязвимом для нее месте» [*ГАРФ*, ф. 662, оп. 1, д. 186, л. 115]. Речь шла об Индии. Для подготовки удара надо было мобилизовать войска в Туркестане и направить их к афганской границе. Оттуда открывался путь на Индию, и правительству в Лондоне пришлось бы перенаправить военные силы на ее защиту. «Однако ж я увлекся, – писал царь, завершая рассуждения на эту тему, – но ты поймешь, что при случае невольно иногда самые излюбленные мечты вырываются наружу» [*ГАРФ*, ф. 662, оп. 1, д. 186, л. 115 об.].

Самодержец и его министры отказались от вооруженного вмешательства в южноафриканский конфликт. Тем не менее военное министерство приняло меры, чтобы поддержать защитников бурских республик и помешать Великобритании отправлять на юг Африки войска из Индии.

Неудачи британской армии при отражении бурского наступления наводили на мысль о том, что Великобритания может проиграть в сухопутной войне с одной из великих держав (например, Россией). В письме сестре, великой княгине Ксении Александровне, 21 октября 1899 г. Николай II поделился предположением, что буры еще долго будут создавать для Великобритании серьезные осложнения. По мнению царя, направляемых на юг Африки подкреплений не хватит и придется перебрасывать часть войск из Британской Индии [ГАРФ, ф. 662, оп. 1, д. 186, л. 114–114 об.].

В то же время в России бытовало мнение, что для Великобритании опасно было ослаблять военный контингент в Индии. Когда военный атташе Великобритании посетил Туркестан весной 1900 г., русские офицеры в разговорах с ним настаивали, что индийцы собираются восстать против британского владычества. Признаки этого видели в протестах из-за массового голода, начавшегося в 1899 г. Хотя колониальным властям удалось смягчить его последствия и снизить социальную напряженность, рассказы о беспорядках в Индии, которые довелось слышать британскому атташе в поездке по Туркестану, «были настолько многочисленны, что их не было возможности опровергать» [Басханов, 2015, с. 107–108].

Военный министр Куропаткин тоже предполагал, что Великобритания прибегнет к поддержке индийских войск в Южной Африке. «Без этой помощи буры побеждены не будут» – записал он в дневнике 2 декабря, во время так называемой «Черной недели», череды тяжелых поражений британских войск [РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 1889, л. 63 об.–64]. В том же месяце пришло известие о назначении фельдмаршала Ф. Робертса командующим британскими войсками в Южной Африке. Куропаткин был уверен, что Робертс попытается получить подкрепления из Индии, где он был главнокомандующим до начала 1890-х гг. «Настоятельно необходимо помешать англичанам взять дивизии из Индии», – утверждал российский военный министр [Дневник А.Н. Куропаткина. Запись 7 декабря 1899 г. РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 1889, л. 64–64 об.].

Российский самодержец считал тогда, что только он способен повлиять на исход южноафриканского конфликта [Николай II – великой княгине Ксении Александровне, 21 октября 1899 г. ГАРФ, ф. 662, оп. 1, д. 186, л. 114 об.–115]. Британский флот контролировал морские пути к Южной Африке и мог отразить даже совместное нападение держав. Но России не нужно было отправлять корабли к южноафриканским берегам. Хотя владения Николая II не граничили с владениями королевы Виктории, Россия могла оказать давление на Великобританию на суше. Царь полагал, что для этого ему достаточно было приказать войскам предпринять действия, которые можно было расценить как угрозу Британской Индии.

2 декабря на совещании руководителей финансового, военного и внешнеполитического ведомств Куропаткин заявил, что Великобритания, вероятно, переместит из Индии в Южную Африку до 50 000 солдат. Чтобы воспрепятствовать этому, военный министр предложил «сделать хотя небольшую демонстрацию на афганской границе, самую невинную». [Дневник А.Н. Куропаткина. Запись 2 декабря 1899 г. РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 1889, л. 63 об.–64]. Имелось в виду увеличить численность российских войск в районе Кушки, самой южной крепости в империи. Участники совещания согласились, что для начала следует немедленно приступить к земляным работам для увеличения пропускной способности Кушкинской линии до двенадцати пар поездов в сутки [Дневник А.Н. Куропаткина. Запись 2 декабря 1899 г. РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 1889, л. 63 об.–64]. Следующим шагом должно было стать передвижение российских войск. Оно рассматривалось не только как попытка поддержать защитников бурских республик, но и как мера для повышения боеготовности в тех регионах, где велик риск международных осложнений.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЗАМЫСЛА

Мобилизационные учения с передвижением войск Туркестанского округа проходили в предшествующие месяцы. По мнению руководителей военного и внешнеполитического ведомств, учения следовало продолжить в 1900 г. «Таковые мероприятия, – полагал министр иностранных дел, – всегда производят внушающее действие на великобританское Правительство, сознающее уязвимость своих пограничных с Россией владений и непрочность политического владычества своего над свобододолюбивыми индийскими племенами, неприязненное отношение коих к Англии, по всем вероятностям, возрастет после неудачной для нее войны в Трансваале» [Всепоподданнейшая записка, поданная М.Н. Муравьевым, 25 января 1900 г. *Россия и Африка*, 1999, с. 171].

При этом не предполагалось масштабной мобилизации для продвижения в сторону Индии. Во-первых, правительство не намерено было осложнять отношения с Великобританией, а тем более вступать с ней в вооруженное противостояние. Во-вторых, для решительных действий на юге Туркестана пока не было технической возможности. Нельзя было оперативно перебросить войска из других регионов и обеспечить их снабжение.

Среднеазиатскую железную дорогу, включая Кушкинскую ветку, еще предстояло соединить с европейской частью империи, в том числе с Сибирской железной дорогой. Для этого планировалась линия от Оренбурга до Ташкента. Но строить ее начали лишь во второй половине 1900 г., по просьбе и при финансовом содействии Франции. Как объяснял министр иностранных дел Муравьев, эта дорога позволила бы России «в случае необходимости, предпринять угрожающую демонстрацию» [Г. де Монтебелло – Т. Делькассе, 5 мая 1899 г. *Documents diplomatiques français*, vol. 15, 1959, p. 269]. Если бы союзница России оказалась вовлеченной в вооруженный конфликт с Великобританией, поезда оперативно доставили бы российские войска прямо к афганской границе. Сотни тысяч солдат, сосредоточенных там за несколько недель, готовы будут выдвинуться к Белуджистану. Ожидалось, что британское правительство, осознавая вероятность таких действий России, не решится использовать части, дислоцированные в Индии, для нападения на колонии Франции в других регионах [Игнатьев, 2011, с. 137]. Но на рубеже 1899–1900 гг. Россия на афганской границе, по мнению Куропаткина, еще не готова была «ни к обороне, ни к наступлению» [Всепоподданнейший доклад военного министра в 1900 году. *ГАРФ*, ф. 6016, оп. 1, д. 445, л. 36 об.].

Впрочем, можно было имитировать угрозу дальним подступам к Британской Индии. Такой опыт у России был. Например, в 1878 г. для поддержки российской дипломатии на Берлинском конгрессе Александр II приказал сосредоточить в Туркестане 20-тысячную группировку якобы для вторжения в Афганистан. Правда, эта акция не произвела ожидаемого эффекта на британское правительство. Теперь же условия казались благоприятнее.

Британское правительство и общественность с октября 1899 г. были обеспокоены сообщениями о российских военных приготовлениях в Туркестане и модернизации крепости Кушка, хотя постоянный заместитель министра иностранных дел Т. Сандерсон и вице-король Индии лорд Керзон сомневались, что Россия вторгнется в Афганистан без достаточного предлога [*Correspondance diplomatique du Baron de Staal*, 1929, p. 426–427; Dिल्с, 1969, p. 171]. Кроме того, в российской прессе консервативного направления появлялись высказывания о желательности «сделать самую маленькую демонстрацию» на границе, чтобы войска из Британской Индии не перевозились в Южную Африку на войну с бурами [см., например: Горлов, 1899].

7 декабря 1899 г. военный министр обсудил свою идею с Николаем II. «Он первоначально колебался, – в тот же день записал Куропаткин в дневнике. – Но затем согласил-

сы и отдал мне приказ произвести демонстрацию перевозом с Кавказа на Кушку одного бат[альо]на Кавк[азской] стрелковой бригады и приготовлением к движению остальных батальонов. Перевезти в мирном составе. Расположить две роты в Елотане, две роты на Кушке. Обеспечить в случае необходимости это движение ответом передвижения с Кавказа на афганскую границу по новой проложенной дороге. Сегодня я сделал все распоряжения» [РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 1889, л. 64 об.–65].

Через неделю император разрешил Куропаткину перевести в рамках той же демонстрации еще два батальона Кавказской стрелковой бригады с новобранцами в Закаспийскую область Туркестанского края. 20 декабря 1899 г. (1 января 1900 г.) Они начали прибывать к месту назначения [Дневник А.Н. Куропаткина. Запись 14 декабря 1899 г. РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 1889, л. 66–66 об.; А.Н. Куропаткин – М.Н. Муравьеву, 22 декабря 1899 г. АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 758, л. 7].

ОТКЛИК В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И НА КОНТИНЕНТЕ

Российский министр иностранных дел рассчитывал, что известие о полной готовности российских войск к быстрому передвижениям в Центральной Азии, опубликованное в официозной прессе, «произвело бы весьма благоприятное для наших политических интересов впечатление» [М.Н. Муравьев – А.Н. Куропаткину, 23 декабря 1899 г. АВПРИ, ф. 147, оп. 485, д. 758, л. 9–9 об.]. Действительно, правительства континентальной Европы приняли эту информацию всерьез, тем более что она подтверждалась донесениями дипломатов из России. Например, в письме к Делькассе от 19 января 1900 г. (н. ст.) французский посол в Петербурге, излагая содержание недавней беседы с М.Н. Муравьевым, упомянул, что мобилизационные учения предполагают отправку в Кушку всей Кавказской стрелковой бригады, а при необходимости и других формирований [*Documents diplomatiques français*, vol. 16, 1959, p. 80].

Российский военный министр охотно обсуждал произведенную им акцию с представителями великих держав. В январе Куропаткин подтвердил послам Франции и Германии, что вслед за четырьмя батальонами можно за две недели перевезти с Кавказа весь армейский корпус [Дневник А.Н. Куропаткина. Запись 17 января 1900 г. РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 1889, л. 68–68 об.]. При этом работы на Кушкинской железнодорожной ветке ведутся так активно, что через два-три месяца ее пропускная способность удвоится [*Documents diplomatiques français*, vol. 16, 1959, p. 93].

Кабинет министров Великобритании и правительство Британской Индии с декабря получал донесения о том, что гарнизон Кушки увеличен и ожидается прибытие дополнительных батальонов. Британские диппредставители в континентальной Европе тоже наводили справки о военных мероприятиях России [см., например, донесение британского посла в Германии лорду Солсбери 20 декабря 1899 г. о беседе со статс-секретарем по иностранным делам Бюловым. *British Documents on the Origins of the War*, 1927, p. 244]. В британском правительстве, парламенте, армии и прессе обсуждались причины концентрации российских войск у границы и вероятность вторжения в Афганистан [Витухновский, 1957, с. 119]. Российский посол в Лондоне 5 (17) января сообщал Муравьеву, что правительство королевы Виктории обеспокоено перемещением войск с Кавказа в Закаспийскую область. По британским сведениям, в Афганистане не происходило беспорядков, из-за которых России стоило бы укреплять пограничный гарнизон.

Донесения о военных приготовлениях России в Туркестане встревожили вице-короля Индии лорда Керзона и министра по делам Индии лорда Гамильтона. Такая информация поступала не только от британских агентов, но и от афганского эмира. Обеспокоенный

слухами о надвигающейся войне, эмир Абдур-Рахман повелел усилить пограничные гарнизоны, улучшить дороги и провести дополнительный рекрутский набор [Симонов, 2001, с. 43]. С января в Герате стали готовиться к российскому нападению. Местные власти распорядились увеличить запасы воды и усилить укрепления на северных подступах к городу, а также запретили вывоз продуктов и отправку караванов [Телеграмма П.Е. Панафидина, 16 февраля 1900 г. *АВПРИ*, ф. 147, оп. 485, д. 758, л. 34].

Из Мешхеда российский генконсул сообщал, что слухи о скором выдвижении российских войск в сторону Герата распространились и в персидской провинции Хорасан, граничившей с Афганистаном. «Персидские купцы перестали заключать торговые сделки с названной страной, – докладывал российский диппредставитель; – несколько караванов, бывших уже на пути в Герат, вернулись обратно; фургонщики, уверявшие, что наши [т.е. российские] военные власти набирают насильно большое количество фургонов для целей войны, отказывались ехать с грузами в Асхабад, последствием чего было небывалое повышение фрахтов» [Выписка из донесения П.Е. Панафидина, 5 февраля 1900 г. *АВПРИ*, ф. 147, оп. 485, д. 758, л. 17].

Керзон не склонен был сомневаться в заверениях Николая II, данных королеве Виктории и ее правительству в ноябре и декабре 1899 г., о том, что Россия не предпримет враждебных действий против Великобритании. Но он догадывался, что «демонстрация» в Кушке задумана для того, чтобы помешать Великобритании отправить подкрепления из Индии в Южную Африку [Dilks, 1969, p. 172–173]. Британский премьер-министр Солсбери, напротив, подозревал, что «мобилизационные учения» в Туркестане – это подготовка к агрессии. В разговоре с первым секретарем германского посольства в Лондоне он предположил, что Россия, распуская слухи о своем возможном движении на Герат, скрывает действительную цель – вторжение в Персию [*Die Grosse Politik der europäischen Kabinette*, 1924, S. 372–373].

РЕЗУЛЬТАТЫ АКЦИИ

Части Британской армии, расквартированные в Индии, начали перемещаться в Южную Африку еще до войны. Что касается Индийской армии, которая подчинялась напрямую колониальной администрации и финансировалась ею, ни один из ее полков не участвовал в англо-бурском конфликте. Это может показаться странным, ведь Индийская армия не раз выполняла задачи за пределами Индии, в том числе в колониальных войнах в Африке. Например, она принимала участие в кампании против махдистского Судана (1896–1898 гг.) [Парфенов, 1991, с. 63]. Но все это были войны против неевропейских народов. Конфликт с бурами, по мысли британского командования, должен был оставаться войной между белыми. Казалось нежелательным, чтобы представители народов Индии, составлявшие большинство личного состава Индийской армии, получили в Южной Африке опыт боевых действий против европейцев.

Как заявил российскому военному агенту в Брюсселе его британский коллега осенью 1899 г., «война ведется против белых, а потому и со стороны Англии будут посланы исключительно *белые войска*» [Миллер, 1899. Донесение от 29 сентября (11 октября) 1899 г., с. 1]. Тем не менее на южноафриканской войне, помимо частей Британской армии в Индии, действовали вспомогательные подразделения и так называемые «туземные корпуса», которые состояли из солдат и унтер-офицеров Индийской армии. Они, как правило, не принимали непосредственного участия в боевых действиях.

С августа до конца октября 1899 г. в Южную Африку прибыло около 6000 военнослужащих Британской армии в Индии, а также примерно 1000 солдат и унтер-офицеров Индийской армии. На конец октября военнослужащие из Индии составляли треть бри-

танского контингента (приблизительно 22 000) в Южной Африке [подсчитано по данным: Ермолов, 1900. Донесение от 15 (27) сентября 1899 г., с. 2, 5; Grant, 1910, p. 671; Itzkin, 2009, p. 151–152]. Но в последующий период – с ноября 1899 г. по июль 1900 г. – из Индии было переброшено гораздо меньше войск. По официальным британским данным, за этот период в Южную Африку прибыл 1891 военнослужащий регулярной армии в Индии. Это составило менее 1% подкреплений, поступивших в этот период со всей Британской империи [подсчитано по данным: Grant, 1910, p. 671]. Кроме того, за это время к британским войскам в Южной Африке присоединились 2000–3000 солдат и унтер-офицеров Индийской армии. Итак, если в сентябре–октябре 1899 г. для участия в войне против бурских республик прибыло из Индии примерно 7000 военнослужащих (т.е. в среднем 3500 в месяц), то за последующие девять месяцев – лишь около 5000 (или, в среднем, 555 в месяц) [подсчитано по данным: Grant, 1910, p. 671; Itzkin, 2009, p. 151–152].

Численность подкреплений из Индии, поступавших с ноября 1899 г., сокращалась не потому, что уменьшалась необходимость в них. Наоборот, в первые, неудачные для британской армии месяцы южноафриканского вооруженного конфликта срочно требовались дополнительные войска. Индия, где размещалась значительная часть Британской армии, казалось, должна была стать вторым после метрополии источником пополнений. Но было решено воздержаться от резкого уменьшения военного контингента в Индии – даже ради побед в Южной Африке. В декабре 1899 г. российский военный агент в Лондоне сообщал в Главный штаб, что Великобритания больше не собирается брать войска из Индии: «*До сих пор* этого намерения в военном министерстве безусловно нет: они слишком боятся» [Ермолов, 1900. Донесение от 8 (20) декабря 1899 г., с. 18–19].

Правительства Великобритании и Британской Индии опасались беспорядков в связи с эпидемией чумы и голодом, от которых страдали десятки миллионов индийцев. Помимо этого, были причины для беспокойства за пределами колонии, но в сфере ответственности ее вооруженных сил. В Афганистане слухи о скорой смерти эмира при нерешенном вопросе о престолонаследии могли привести к волнениям и даже попытке насильственной смены власти [см. письмо французского посла о беседе с М.Н. Муравьевым, 19 января 1900 г. *Documents diplomatiques français*, vol. 16, 1959, p. 80]. Поступали также известия об активизации Франции в Индокитае [Ермолов, 1900. Донесение от 7 (19) января 1900 г., с. 18]. И не в последнюю очередь британцев настораживала информация о передвижениях российских войск у афганской границы [Ермолов, 1900. Донесение от 4 (16) января 1900 г., с. 13; Донесение от 28 января (9 февраля) 1900 г., с. 10]. Все эти обстоятельства затрудняли отправку подкреплений из Индии в Южную Африку.

Военное командование в Индии отклоняло новые запросы об отправке войск на южноафриканскую войну. Более того, оно стало планировать действия Индийской армии в случае российского вторжения в Афганистан [Dilks, 1969, p. 174–175]. Военачальники и правительство британской колонии пришли к выводу, что своими силами им не удастся долгое время сдерживать наступления России. Британская Индия не могла позволить себе расходы по увеличению личного состава своей армии, который формировался из добровольцев.

Керзон запросил у метрополии десятки тысяч резервистов, аргументируя это тем, что каждый девятый британский военнослужащий, находившийся в Индии до ноября 1899 г., уже отправлен в Южную Африку, не говоря о тысячах чинов Индийской армии, уехавших туда в качестве вспомогательного персонала. Правительство в Лондоне не удовлетворило эту просьбу. Но вице-король настаивал, что войска, дислоцированные в Индии, без помощи империи не выдержат продолжительную войну с Россией в Афганистане [Dilks, 1969, p. 177].

В те месяцы, когда российскую «демонстрацию» у афганской границы горячо обсуждали в Лондоне и Калькутте, переброска войск из Индии продолжалась. По данным российского военного агента в Великобритании, в январе 1900 г. Британская армия в Индии направила в Южную Африку один кавалерийский полк и две конные батареи [Ермолов, 1900. Донесение от 21 января (2 февраля) 1900 г., с. 1]. И все же британское правительство стремилось предотвратить ослабление обороноспособности Индии. Поэтому с начала 1900 г. в Южную Африку на помощь регулярной армии стало прибывать гораздо больше добровольцев из Великобритании (всего около 100 000 человек), а также из Капской колонии, Наталя, Австралии, Канады и Новой Зеландии (примерно 80 000 человек) [Venter et al., 2024, p. 58–59].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Военная «демонстрация» на афганской границе задумывалась как попытка оказать психологическое давление на Великобританию. Самодержец и его министры не планировали территориальной экспансии, в то время как британские силы и внимание были сосредоточены далеко за пределами российской сферы интересов. Российское правительство в той же мере, что и правительства других великих держав, избегало конфронтации с Великобританией и соблюдало нейтралитет по отношению к южноафриканскому вооруженному конфликту. Так же, как другие державы, Россия пользовалась британскими затруднениями, чтобы совершить несколько выгодных ходов в Большой игре, ограничиваясь политико-экономическими методами.

Военная акция декабря 1899 г. – января 1900 г. может рассматриваться в контексте англо-русского соперничества в Центральной Азии. Россия продемонстрировала способность быстро передвинуть к афганской границе свои войска, которые затем могли быть направлены к Британской Индии. Она косвенно предупреждала Великобританию, что препятствование российскому политико-экономическому проникновению в Афганистан и Персию может создать нежелательные осложнения, пока силы Британской империи направлены на подавление сопротивления защитников бурских республик.

Тем не менее основной целью акции была поддержка буров. Николай II и его военный министр хотели предотвратить отправку значительных подкреплений из Индии на юг Африки. Только у России была тогда возможность провести подобную «демонстрацию» на подступах к британским колониальным владениям, не опасаясь мощи британского флота. И Россия оказалась единственной великой державой, которая в годы южноафриканской войны использовала армию для того, чтобы – пусть опосредовано – помешать быстрому разгрому бурских республик.

Акция у афганской границы оказалась результативной. Сигнал, посланный из России, был правильно понят правительством Великобритании и администрацией Британской Индии. Потенциальная угроза со стороны России способствовала тому, что отправка подкреплений из Индии в Южную Африку значительно сократилась. По сравнению с первыми месяцами англо-бурской войны, к началу 1900 г. среднее ежемесячное количество военнослужащих, прибывавших из Индии, уменьшилось в шесть раз. Чтобы не ослаблять обороноспособность важнейшей британской колонии, пришлось компенсировать нехватку солдат регулярной армии, воюющей на юге Африки, за счет добровольцев из других колоний и из метрополии.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи [*AVPRI* – Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации [*GARF* – State Archive of the Russian Federation].

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив [*RGVIA* – Russian State Military Historical Archive].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Басханов М.К. *«У ворот английского могущества»: А.Е. Снесарев в Туркестане, 1899–1904.* СПб: Нестор-История, 2015 [Baskanov M.K. *At the Gates of British Power: A.E. Snesearev in Turkestan, 1899–1904.* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015 (in Russian)].

Витухновский А.Л. Из истории англо-русских отношений на Среднем Востоке в начальный период англо-бурской войны. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета.* 1957. Т. VII. Вып. 1. Исторические и филологические науки. С. 115–130 [Vitukhnovsky A.L. From the history of Anglo-Russian relations in the Middle East in the early period of the Anglo-Boer War. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 1957. Vol. VII. No. 1. *Historical and Philological Sciences.* Pp. 115–130 (in Russian)].

Горлов В. Великодушные сердца в Англии. *Свет.* 1899. 27 октября. С. 1 [Gorlov V. Generous Souls in England. *Svet (= Light).* 27.10.1899. P. 1 (in Russian)].

Ермолов Н.С. *Донесения военного агента в Лондоне, Генерального штаба полковника Ермолова о военных действиях англичан в Трансваале.* СПб [б.и.], 1900 [Yermolov N.S. *Reports of the Military Agent in London, General Staff Colonel Yermolov on British Military Operations in the Transvaal.* Saint Petersburg [n.p.], 1900 (in Russian)].

Игнатьев А.В. *Внешняя политика России в конце XIX – начале XX века (Россия перед вызовами новой эпохи).* М.: ГЕОС, 2011 [Ignatiev A.V. *Russia's Foreign Policy in the Late 19th and Early 20th Centuries (Russia Facing the Challenges of a New Era).* Moscow: GEOS, 2011 (in Russian)].

Миллер Е.К. *Донесения военного агента в Брюсселе и Гааге, Генерального штаба подполковника Миллера.* [Б.м.]: [б.и.], [1899] [Miller E.K. *Reports of the Military Agent in Brussels and The Hague, General Staff Lieutenant Colonel Miller.* [n.p]: [n.p.], [1899] (in Russian)].

Никитина И.А. *Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.).* М.: Наука, 1970 [Nikitina I.A. *The Seizure of the Boer Republics by England (1899–1902).* Moscow: Nauka, 1970 (in Russian)].

Новое время. 1899. 25 декабря. С. 7 [Novoe Vremya (= The New Time). 25.12.1899. P. 7 (in Russian)].

Парфенов И.Д. Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века (Движущие силы, формы и методы). М.: Наука, 1991 [Parfenov I.D. *British Colonial Expansion in the Last Third of the 19th Century (Driving Forces, Forms and Methods).* Moscow: Nauka, 1991 (in Russian)].

Россия и Африка. Документы и материалы XVIII в. – 1960 г. Под ред. А.Б. Давидсона. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1999 [Russia and Africa. Documents and Materials. 18th Century – 1960. A.B. Davidson (ed.). Vol. 1. Moscow: Institute of World History RAS, 1999 (in Russian)].

Симонов К.В. *Афганистан в политике великих держав и Османской империи на Среднем Востоке, 1899–1918 гг.* Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. Воронеж, 2001 [Simonov K.V. *Afghanistan in the Politics of the Great Powers and the Ottoman Empire in the Middle East, 1899–1918.* PhD Thesis. Voronezh, 2001 (in Russian)].

British Documents on the Origins of the War 1898–1914. G.P. Gooch, H. Temperley (eds.) Vol. 1. London: His Majesty's Stationery Office, 1927.

Correspondance diplomatique du Baron de Staal (1884–1900). A. Meyendorff (ed.) Vol. II. Paris : Librairie Marcel Rivière, 1929.

Davidson A., Filatova I. *The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902*. Cape Town; Pretoria; Johannesburg: Tafelberg, 1998.

Die Grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871–1914. J. Lepsius, A. Mendelssohn-Bartholdy, F. Thimme (Hrsgg.) Vol. 17. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte M. B. H., 1924.

Dilks D. *Curzon in India*. Vol. 1. New York: Taplinger Publishing Company, 1969.

Documents diplomatiques français (1871–1914). Ser. 1. Paris: Imprimerie nationale, 1959.

Grant M.H. *History of the War in South Africa 1899–1902*. Vol. IV. London: Hurst and Blackett, 1910.

Itzkin E. Connecting Public Histories. The Indian War Memorial: National Memory and Selective Forgetting. *Historia*. 2009. Vol. 54. No. 1. Pp. 147–158.

Kandyba-Foxcroft E. *Russia and the Anglo-Boer War 1899–1902*. Roodepoort: CUM Books, 1981.

Spring D. Russian Foreign Policy and the Boer War. *The International Impact of the Boer War*. K. Wilson (ed.) Abingdon: Routledge, 2014. Pp. 43–64.

Venter L., Oelofse M., Van Zyl J. The Composition of the Imperial British Forces in the Anglo-Boer War, 1899–1902: A Military and Socio-Historical Overview. *Scientia Militaria: South African Journal of Military Studies*. 2024. Vol. 52. No. 2. Pp. 53–69.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГОРЕЛИК Борис Моисеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки РАН, Москва, Россия.

Boris M. GORELIK, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.